

Как биолог стал ХУДОЖНИКОМ

Л. И. КОРОЧКИН

Движение, 1984 г.

В этом году исполнилось 70 лет со дня рождения известного российского биолога — генетика и эмбриолога — Л. И. Корочкина. Леонид Иванович — член-корреспондент РАН, профессор МГУ, заведующий лабораторией генетики развития и нейрогенетики Института биологии гена РАН и лабораторией молекулярной биологии Института биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН (Москва). Лауреат Государственной премии (1996 г.), Премии Академии наук России им. Н. К. Кольцова (1994 г.). Научные достижения Леонида Ивановича за 40 лет научной деятельности впечатляют. В частности, он является авторитетом в области изучения стволовых клеток — одного из потрясающих открытий современности, с которым наши читатели смогут познакомиться в будущих выпусках журнала. Но Корочкин — не только крупный ученый, любимый учитель и просто обаятельный человек. Он — автор ряда литературных произведений, в которых рассматриваются проблемы биологии, истории русской философии, современной живописи. И еще он — художник-авангардист, участник многих выставок, в том числе известных выставок модернистов на Малой Грузинской. На страницах журнала мы представляем лишь малую толику удивительных художественных произведений этого разносторонне одаренного человека

Когда я был маленьким, многие думали, что из меня вырастет художник. Рано проявились способности к рисованию: видно, заработали отцовские гены. Отец мой был профессиональным врачом и профессиональным художником, учеником известных советских мастеров — Котова и Машкевича. Он-то и познакомил меня со всякими премудростями: с законом перспективы, с графикой, научил рисовать акварельными красками...

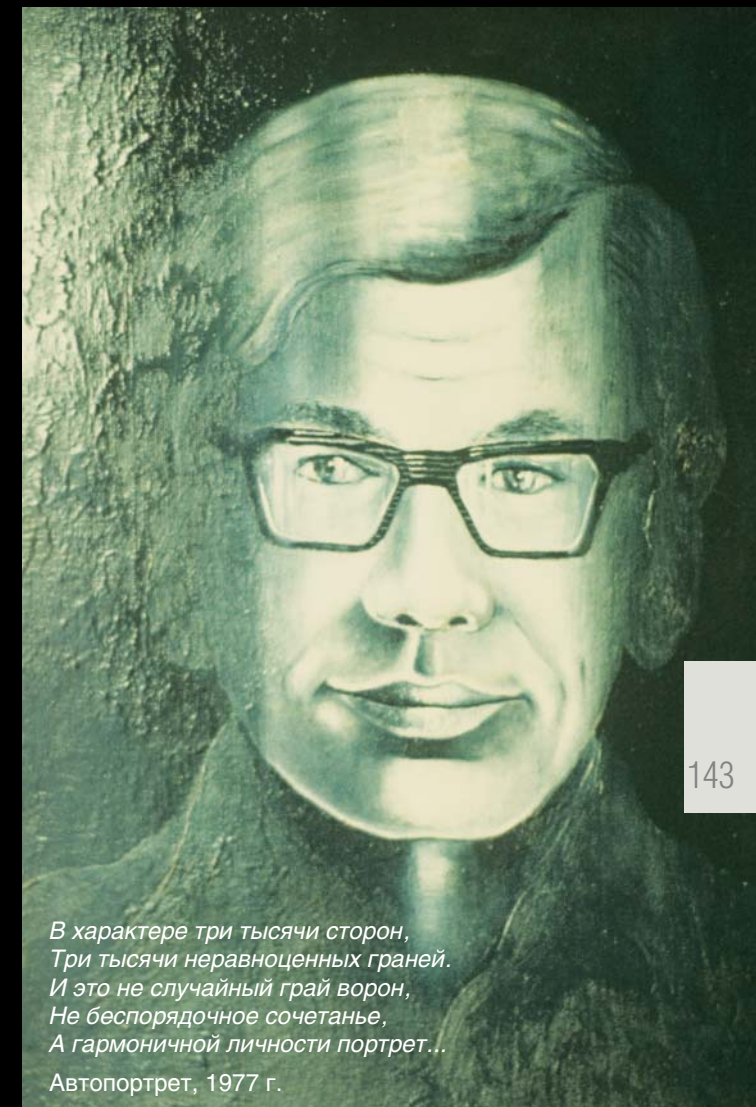
Посещал я и кемеровскую студию рисования. Сразу был зачислен в старшую группу, потому что считался талантливым не по возрасту. Рисовал шарики, пирамидки, цветочки, а потом и портреты. Но это в конце концов надоело, я забросил рисование и все, что с ним связано. Занялся философией, увлекся наукой и полностью в нее погрузился. Есть такая наука о живых тканях организма — *гистология*, которой я и решил посвятить жизнь.

Закончил Томский медицинский институт, рано защитил диссертацию и в 1964 году переехал в новосибирский Академгородок. В то время никакого хобби у меня уже не было, разве что почитывал по привычке

Раскройте шире окна глаз,
Ушей раздвиньте шторы,
Вселенная встречает вас,
Зовет в свои просторы.

Сотворение Мира,
1983 г.

В характере три тысячи сторон,
Три тысячи неравноценных граней.
И это не случайный грай ворон,
Не беспорядочное сочетание,
А гармоничной личности портрет...

Автопортрет, 1977 г.

Космическая композиция, 1977 г.

*А вот из сонмища миров
Получены сигналы.
Не переключка ли богов
В космических кварталах?*

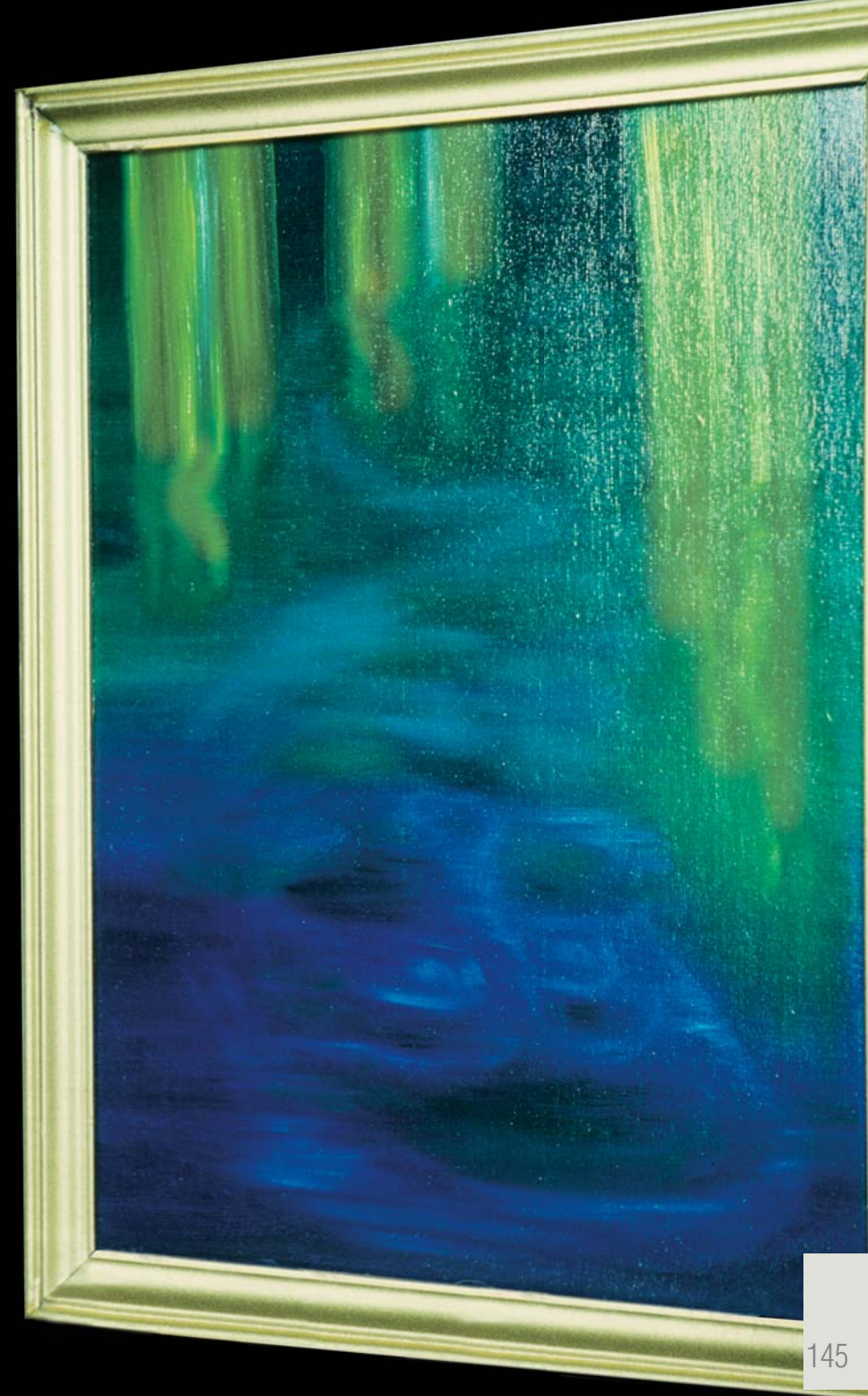
и для забавы философские трактаты. Вместо художественной литературы, которая всегда казалось мне чрезвычайно скучной. Да иногда слушал классическую музыку, которую очень любил, особенно в исполнении итальянских певцов.

Но вот кому-то сверху пришла в голову мысль позаботиться о здоровье наших ученых. А что лучше всего может поправить здоровье? Ну конечно же, футбол! А тут еще регулярные первенства Академгородка по этому виду спорта с участием профессионалов из города. Но чтобы туда прорваться, предстояло много поработать и прежде всего — набраться физической выносливости. Техника кое-какая осталась еще со школьных лет. Набрались, прорвались. В результате до сих пор хожу с поврежденными коленками и выбитой челюстью...

Я был вратарем. И вот в одном из матчей вышел из ворот на перехват мяча. Перехватил, и соперник вместо удара по мячу крепко стукнул меня по голове. Голова долго гудела, зато на следующую ночь возникло непреодолимое желание ... рисовать!

И не просто рисовать, а в необычном стиле. Кое-что об этом я читал в советской печати, где сообщалось о том, что на буржуазном Западе ценятся картины, написанные ослиным хвостом или обезьяньей лапой. Но ослиного хвоста у меня не было, потому решил рисовать как положено, кистью и красками. Разыскал сохранившиеся от отца импортные краски, хороший ватман, колонковые кисточки отменного качества и приступил к созданию картины этакого сюрреалистического толка.

В одночасье создал, оценил — вроде бы неплохо, можно браться за следующую. Потом за третью, четвертую, пока не свалил сон. А наутро понес свои творения на работу и показал их знатоку модернистской живописи Грише Дымшицу. Он был обладателем коллекции книг на эту тему и даже огромного цветного альбома Сальвадора Дали, великого художника, о существовании которого я и представления тогда не имел. Гриша окинул мои картинки опытным взглядом и сказал: «Мне нравится!»

Одиночество, 1981 г.

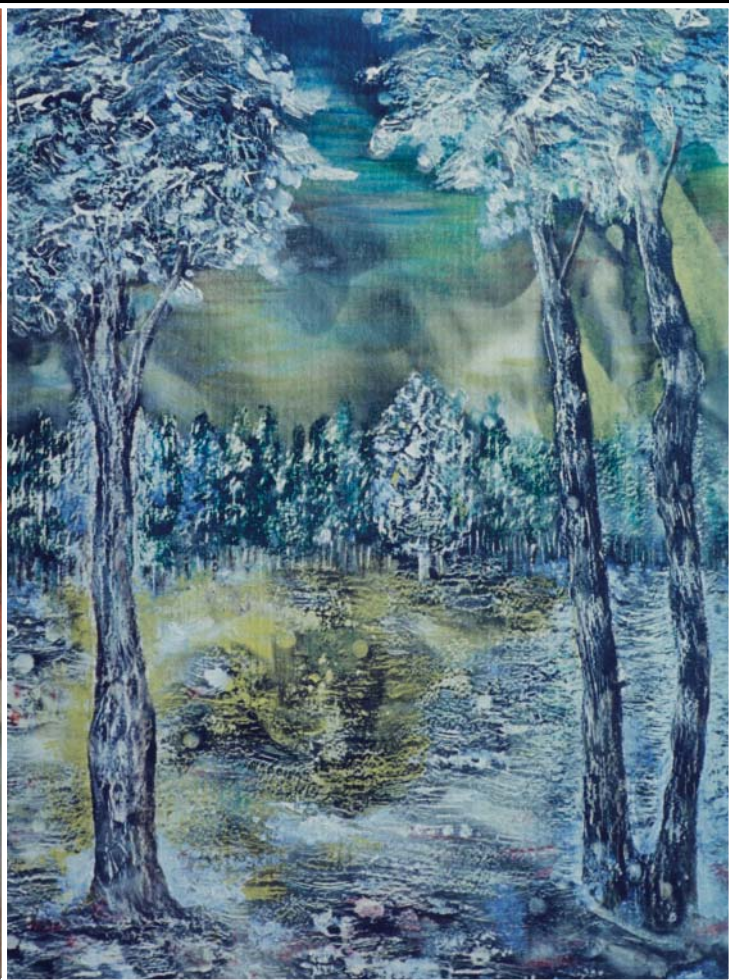

Голгофа, 1981 г.

Вдохновленный такой оценкой я бегом бросился домой и, даже не пообедав, окунулся в творчество. А к краскам добавил еще и цветную тушь. Месяца два пробудившийся художественный зуд не давал мне покоя, отвлекая от науки, но потом возник некоторый баланс между работой и художественным творчеством.

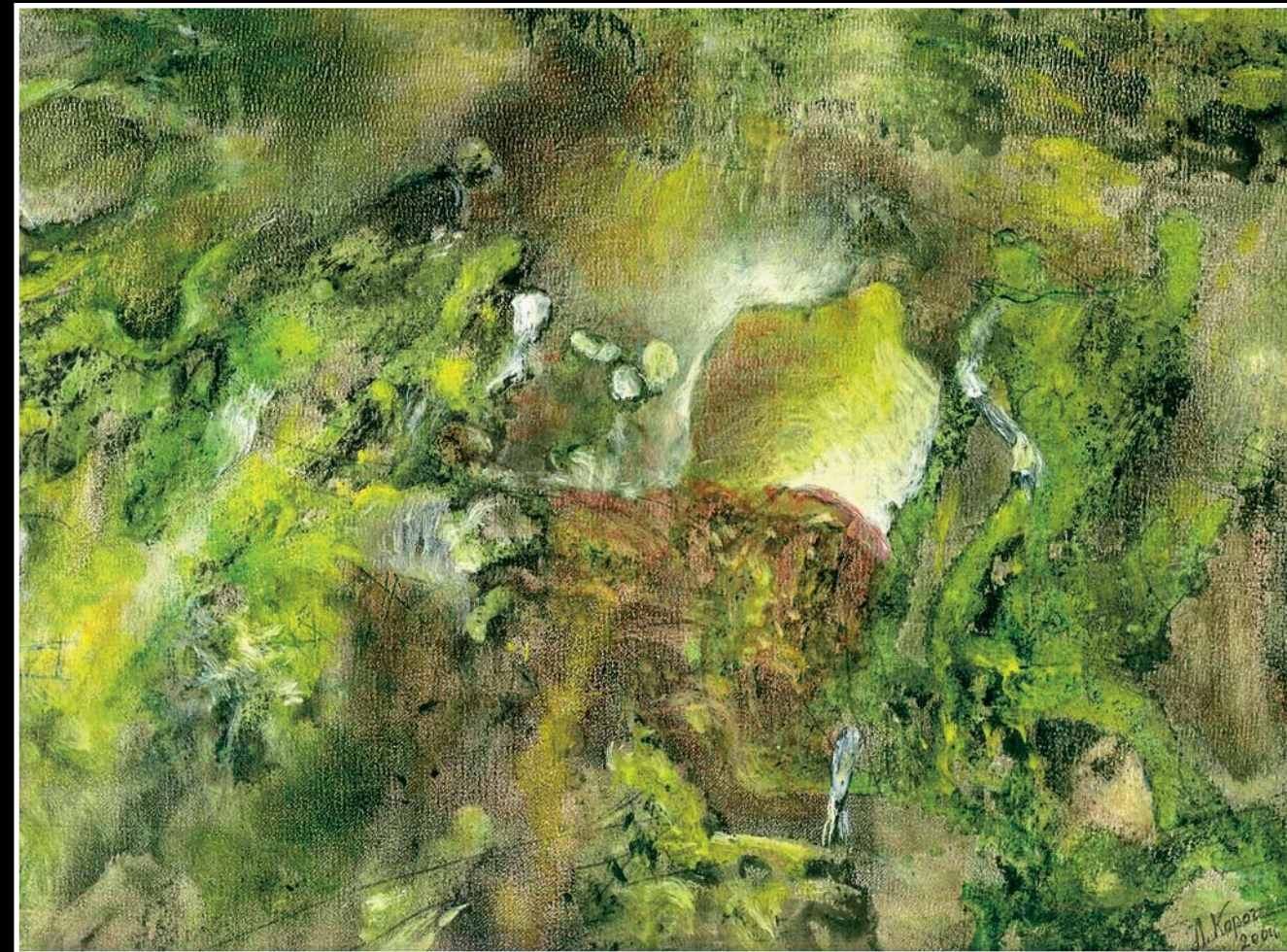
Стал читать литературу о модернистах, кое-что нашел в антиквариате, кое-что прислали зарубежные друзья. У московского эмбриолога Сережи Васецкого была большая книга Уоддингтона о связи науки и современной живописи. Ее я не просто прочитал, но изучил и конспектировал. Понял, что в советской прессе клеветали на художников-модернистов, что они якобы не умеют рисовать. Потому сам стал много работать над техникой классического рисунка, рисовал с натуры, вспомнил про шаррики и пирамиды.

Серебряный пейзаж, 1978 г.

Первым профессионалом, ознакомившимся с моими произведениями, был знаменитый фотограф Виктор Брель, приехавший из Москвы в командировку и бродивший по ночному Академгородку. Часа в два ночи кто-то посоветовал ему навестить Корочкина, который все равно не спит. Брель послушался и постучал в мою дверь. Мама испекла пирожки, мы поужинали, и я рискнул познакомить его со своим новым увлечением. Брель посмотрел работы и заговорил о выставке. Мне, однако, показалось, что об этом думать рановато.

Тем не менее в следующий заезд в Москву, где мне часто приходилось бывать, я взял с собой несколько картинок и показал их замечательной женщине-художнице Марине Дмитриевне Стерлиговой. Она была ученицей «звезды» советского модернизма Василия Ситникова, к тому времени эмигрировавшего во Францию

Зеленая фантазия, 2005 г.

и требовавшего поселить его прямо в Лувре. Марина Дмитриевна сказала: «Из десяти картинок две вполне приличные, и это очень хорошо».

Со своей подругой Ларисой Романовой я обошел в Москве все неофициальные выставки, которых было пруд пруди, понял, что пора писать маслом, и принялся за дело. Первая картина получилась — хуже некуда. Но я не падал духом и с третьей попытки нашел свой стиль и поймал, как говорится, кайф.

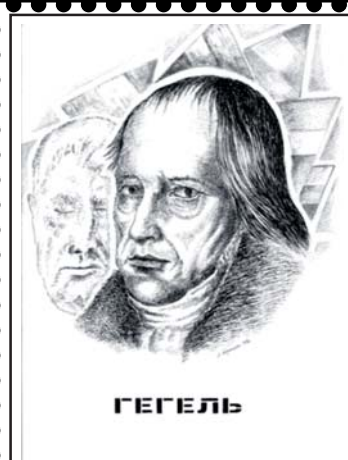
В очередном столичном вояже меня познакомили с нашим самым выдающимся авангардистом — Олегом Целковым. Мы с ним подружились, и я навещал его в каждый следующий приезд вплоть до его эмиграции во Францию в 1976 году. Олег внимательно следил за моими занятиями живописью, давал ценные советы и, считаю, существенно повлиял

*Не насилуйте мозг,
Не считайте часы и минуты.
Мозг не терпит угроз,
Не выносит регламента пути.*

*Он не может творить
В мире пошлости, в мире бедлама.
Да и что же хранить,
Если нет ничего, кроме хлама?*

*Дайте пыл огонька,
Чистоту выражаемой ласки,
И польется река,
Засверкают волшебные краски.*

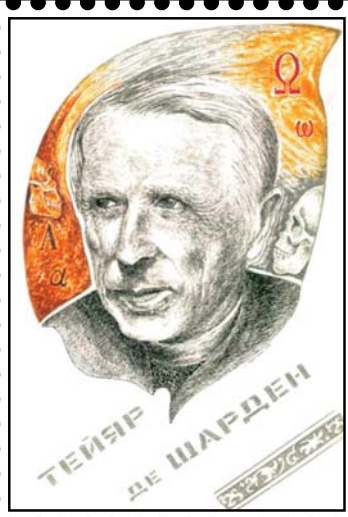

на формирование моей художественной индивидуальности. И вскоре пришла пора выставок. Сначала в Академгородке, потом в молодежных центрах Казани, Москвы. Картины мои нравились. Это было приятно и стимулировало к созданию новых полотен.

В 1980 году я переехал в столицу и окупился не только в научную, но и в художественную жизнь. Познакомился с художниками с Малой Грузинской, чьи картины коммунисты давили бульдозерами. Один из них, Дима Барабанов, встретил меня особенно дружески. В подъезде дома, где размещались выставки модернистов, он открыл бутылку с вином и, отпив глоток, передал мне: «Давай, Леонид, привыкай!» По его совету я принес свою картину на выставку.

Комиссия была строгая, смотрели придирчиво, и вдруг встал всем известный художник Глухов и сказал: «А что, ребята, надо брать!» Потом я еще раз участвовал в такой выставке. Были и персональные — в Московском молодежном центре, в Мальтийском посольстве, в новосибирском Академгородке. Познакомился со многими художниками, известными коллекционерами.

В гости ко мне заходили и иностранцы, хотели купить некоторые работы. Продавать было как-то неудобно: все же получал приличную зарплату. Поэтому картины я не продавал, а менял на антикварные книжки по религии, философии и истории живописи. Раздобыть их было непросто, и я предоставлял это право «покупателям». Кроме того, для иностранцев существовал спецмагазин, где торговали книгами, простому советскому человеку недоступными, туда-то я их и отсылал. Многие картины просто раздарил, так что лучшие, на мой взгляд, работы оказались на Западе — во Франции, в США, Англии, Германии, на Мальте. Репродукция одной из моих картин («Троица») попала даже в Антологию советской живописи, благодаря хлопотам упомянутого уже Виктора Бреда. Так что у меня с тех пор появилось «законное» право именовать себя не только ученым, но и художником.

Автор стихов — Соломон Александрович ФРИДМАН, ученый-физик и поэт. Работал в области энергетики, занимался автоматизацией управления Серпуховским ускорителем. Автор книг о нобелевских лауреатах и толковых словарей русского языка

А вот немыслимая вязь,
Не видимая глазу.
Не генетическая ль связь
Всех сущих тварей сразу?

До нас сквозь миллионы лет
Доходит родственный завет
Предшественников в роде.
Все выражено в коде.

Все эти «что» и «почему»
Вписать бы в наши святцы.
Здесь просвещённому уму
Есть чем ещё заняться

Троица, 1982 г.